

Гийом Аполлинер

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Перевод с французского М. Кудинова

МОСТ МИРАБО

Под мостом Мирабо тихо Сена течет
И уносит нашу любовь...
Я должен помнить: печаль пройдет
И снова радость придет.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

Мы за руки взялись, и сердца стук
Слышен тебе и мне.
Мгновенья бегут, замыкая круг,
Под мостом наших трепетных рук.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

Словно поток, словно эта волна,
Уносятся прочь любовь.
Жизнь глубока — не достанешь дна,
Надежда — хмельнее вина.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

Проходят сутки, недели, года...
Они не вернуться назад.
И любовь не вернется... Течет вода
Под мостом Мирабо всегда.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

ПРОЛЕТАРИЮ

Ты без вины в плену и не умеешь петь.
Когда вокруг тебя грохочет сталь и медь,
Ты молча трудишься, а за стеной завода
Торжественно вершит свой добрый труд природа.

Холодный аквилон, летя к морям чужим,
 С безрадостных цехов сдувает едкий дым.
 Земля растит посев, растит познаний древо,
 Где зреет для тебя плод мятежа и гнева.
 Твоих утопленников море скрыть спешит,
 Огонь чудесных звезд горит в ночной тиши,
 Неся тебе свой блеск, как свет надежды дальней,
 Колдуя до утра над тем углом печальным,
 Где в муках и в поту хлеб добывают свой
 И где рабочих крик похож на хриплый вой.

Не стоит дорого сиянье звезд. И что же?
 Вся кровь твоя и жизнь намного ли дороже?
 Ты породил сынов, похожих на богов,
 Спокойных и простых, но их удел суров.
 Ждут дочерей твоих страдания и заботы,
 И жен твоих святых уродует работа,
 Их руки высохли, они стыдятся их;
 И роскошь детская для девственниц твоих
 Доступна лишь в мечтах — возьмут ее другие,
 Другим сулят успех витрины дорогие.
 А между тем ведь ты, ты создал красоту
 Недобрых городов, забравших весь твой труд.
 И вот во мраке шахт печально и сурово
 Ты думаешь порой о сказочных альковах.

В ТЮРЬМЕ САНТЭ *

I

Меня раздели догола,
 Когда ввели в тюрьму;
 Судьбой сражен из-за угла,
 Низвергнут я во тьму.

Прощай, веселый хоровод,
 Прощай, девичий смех:
 Здесь надо мной могильный свод,
 Здесь умер я для всех.

II

Нет, я не тот, совсем не тот,
 Что прежде.
 Теперь я арестант, и вот
 Конец надежде.

Сочится солнце сквозь окно,
 И на страницу
 Лучами пыльными оно
 Струится.

* В 1911 году Гийому Аполлинеру было предъявлено иезуитское обвинение в похищении из Лувра знаменитой картины Леонардо да Винчи «Джоконда», и поэт был заключен в тюрьму.

Лучи танцуют на стихах,
Им нет заботы,
Что в этих четырех стенах
Тоскует кто-то.

III

В какой-то яме, как медведь,
Вперед-назад, вперед-назад,
А небо... лучше не смотреть —
Я небу здесь не рад.
В какой-то яме, как медведь,
Хожу вперед-назад.

А рядом вдруг забьет ручей
И зазвенит вода:
Тюремщик связкою ключей
Играет иногда.
И рядом вдруг забьет ручей
И зазвенит вода.

IV

О, как я тоскую в стенах глухих,
Окрашенных бледной краской!
По строкам неровным стихов моих
Мухи скользят с опаской.

За что ты печаль мне эту принес,
Скажи, всемогущий боже?
О, сжался! В глазах моих нету слез,
На маску лицо похоже.

Ты видишь, сколько несчастных сердец
Под сводом тюремным бьется?
Сорви же с меня терновый венец,
Не то он в мозг мне вопьется.

V

Как медленно ползет здесь время
И как здесь на душе темно!

Но время это, как ни тяжело бремя,
Оплакивать ты будешь: ведь оно
Промчится быстро, как любое время.

VI

Здесь гул городской мне дороже хлеба,
Но в этой обители тьмы
Я вижу только враждебное небо
И голые стены тюрьмы.

День кончился. Лампа над головой
Горит, окруженная тьмой.
Все тихо. Нас в камере только двое:
Я и рассудок мой.

ЛОРЕЛЕЯ

Белокурой колдунье из прирейнского края
Жизнь и честь отдавали, от любви умирая.

И велел ее вызвать епископ на суд,
Все в душе ей прощая за ее красоту.

«О, скажи, Лорелея, чьи глаза так прекрасны,
Кто тебя научил этим чарам опасным?»

«Жизнь мне в тягость, епископ, и проклят мой взор,
Кто взглянул на меня — свой прочел приговор.

О епископ, в глазах моих пламя пожара,
Так предайте ж огню эти страшные чары!»

«Лорелея! Пожар твой всемогущ: ведь я
Сам тобой околдован и тебе не судья».

«Замолчите, епископ! Помолитесь и верьте:
Это воля господня — предать меня смерти.

Мой любимый уехал, он в далекой стране,
Все теперь мне не мило, все теперь не по мне.

Сердце так исстрадалось, что должна умереть я.
Даже вид мой внушает мне мысли о смерти.

Мой любимый уехал, и с этого дня
Свет мне белый не мил, ночь в душе у меня».

И трех рыцарей кликнул епископ: «Скорее
Уведите в глухой монастырь Лорелею.

Прочь, безумная Лор, волоокая Лор!
Ты монахиней станешь, и померкнет твой взор».

Трое рыцарей с девою идут по дороге.
Говорит она стражникам хмурым и строгим:

«На скале той высокой дайте мне постоять,
Чтоб увидеть мой замок могла я опять,

Чтоб свое отраженье я увидела снова,
Перед тем как войти в монастырь ваш суровый».

Ветер локоны спутал, и горит ее взгляд,
Тщетно стража кричит ей: «Лорелея, назад!»

«На излучину Рейна ладья выплывает,
В ней сидит мой любимый, он меня призывает.

Так легко на душе, так прозрачна волна...»
И с высокой скалы в Рейн упала она,

Увидав отраженье в потоке глубоком —
Глаза цвета Рейна и солнечный локон.

КОЛОКОЛА

Цыган мой, ты слышишь? Трезвонят опять.
В глазах у меня — туман.
Надеялась я — никому не узнать,
Что тебя я люблю, цыган.

С колоколен высоких видели нас
Церковные колокола:
Всем людям расскажут они, что не раз
Я с тобою вместе была.

А завтра Катрин, Урсула, Мари,
И с ними моя сестра,
И пекарь с женой, и сосед Анри
Судачить начнут с утра.

И когда по улице я пойду,
Улыбаться мне будут вслед...
Цыган, ты принес мне любовь, и беду,
И слезы на много лет.

ОСЕНЬ

Кривоногий крестьянин и усталый вол
Медленно бредут сквозь туман осенний,
Мимо притаившихся убогих сел.

О кольце обручальном, о любви и об измене,
О тех, кто полюбил, а после разлюбил,
Напевает песню крестьянин кривоногий.

Осень, осень! Твой гуман холодный лето погубил!..
Два серых силуэта бредут по дороге.

БРОДЯЧИЕ АКРОБАТЫ

Мимо ворот постоянных дворов,
Мимо фруктовых садов
Идут акробаты дорогой своей
Через деревни, где нет церквей.

И детвора, сбежав со двора,
Их окружает уже с утра;
Покорно деревья им дарят плоды
В награду за их труды.

У них барабаны, и обручи есть,
И коврик, и гири — всего не счесть.
Косолапый медведь, их испытанный друг,
Медяки собирая, обходит круг.

БЕЗВРЕМЕННИК

Ядовиты луга в дни осенней прохлады:
 Безвременник медленно
 Отравляет стадо.
 Лепестки у безвременника цвета сирени,
 И похожи глаза твои на цветок осенний:
 Бледно-синие, словно осень в нашем краю,
 Глаза твои медленно жизнь отравляют мою.

Дети шумной ватагой выбегают из школы,
 И губной гармоники звук раздаётся веселый;
 Детвора, на луга совершая последний набег,
 Рвет безвременник цвета твоих опущенных век,
 Что трепещут, словно цветы на ветру сумасшедшем.

Тихо песню пастух напевает о лете ушедшем.
 И медленно бредут по дороге стада,
 Покидая отравленный луг навсегда.

ЛЯГУШАЧИЙ БЕРЕГ

У берегов островка
 Тихо качаются лодки пустые.
 Теперь
 Ни в воскресные дни, ни по будничным дням
 Ни художники, ни Мопассан не катают в них дам,
 Толстогрудых и глупых, как пробка.
 Лодки пустые,
 Мне больно смотреть, как вы тихо качаетесь там,
 У берегов островка.

О ПРЕДСКАЗАНИЯХ

Я знал предсказательниц, правда немногих.
 Мадам Сальмажур научилась на картах гадать в Океании,
 Где ей к тому же представился случай
 Стать участницей обворожительной сцены,
 Когда совершался акт людоедства.
 Об этом она говорила не всем.
 Но что касается тайны грядущего,
 Тут уж она не могла ошибиться.

Другая гадалка — кажется, имя ее Маргерит —
 тоже довольно искусна.

Однако мадам Деруа вдохновеннее всех.

И всех прозорливей:

Было правдой все то, что она мне сказала о прошлом,
 А ее предсказанья сбывались в назначенный срок.

И еще я знал человека, который по тени гадал,
Но мне не хотелось, чтоб тень моя стала объектом допроса.

Бьется зеркало, соль рассыпается, падает хлеб...
Пусть безликие боги примет мне всегда свою милость даруют.
Впрочем, я ведь не верю, а только смотрю,
и слушаю, и, обратите внимание,—
Я довольно прилично читаю по линиям рук,
Потому что не верю, а только смотрю...
и слушаю, если возможно.

Дорогой мой Андре, предсказателем может быть каждый;
Но людям так долго внушали,
Что нет у них будущего,
И от рожденья они идиоты,
И невежество — их неизменный удел,
Что поверили этому люди,
И никто себя даже не спросит,
Знает он будущее или не знает.
Религией тут и не пахнет — ни в приметах, ни в предсказаниях:
Это просто попытка наблюдать за природой
И ее истолковывать.
Здесь ничего незаконного нет.

БЕСТИАРИЙ, ИЛИ КОРТЕЖ ОРФЕЯ

Кошка

Хотел бы иметь я в доме моем
Жену, наделенную трезвым умом,
Кошку, что жметя к стене осторожно,
И чтобы друзьями был полон мой дом,
Потому что жить без друзей невозможно.

Верблюд

Было когда-то четыре верблюда
У дона Педро, и он с успехом
На них весь мир не спеша объехал,
И я сотворил бы такое же чудо,
Будь у меня четыре верблюда.

Слон

Слова мои — то же, что бивни слона,
Подарок заморских послов.
За пурпур славы плачу сполна
Ценою поющих слов.

Блоха

Блохи, друзья и любовницы даже
С нами жестоки — они нас любят,
А если вас любят, будьте на страже:
Любимых кусают и даже губят.

Павлин

Когда свой хвост распускает павлин,
Не оторвать от красавца взгляд.
Ах, если бы скрыть недостаток один,
Скрыть только пустяк — обнаженный зад!

Гусеница

Богатство — это труд среди зарослей густых.
Поэты бедные, послушайте собрата:
Трудитесь! И тогда из гусениц простых
Вы превратитесь в мотыльков богатых.

РЫЖЕКУДРАЯ КРАСАВИЦА

Вот я весь перед вами, исполненный здравого смысла,
Знающий жизнь и все то, что живые могут о смерти узнать,
Испытавший страдания и радость любви,
Иногда умевший навязать свое мнение другим,
Изучивший чужие наречья,
Немало блуждавший по свету,
Видавший войну в артиллерийских частях и в пехоте,
Раненный в голову, трепанированный под хлороформом,
Потерявший в ужасной борьбе своих лучших друзей;
Я знаю о старом и новом все то, что под силу узнать одному человеку.
И сегодня, не думая больше об этой войне,
Войне между нами, друзьями, и за нас,
Я сужу беспристрастно о затянувшейся распре между традицией
и открыванием новых путей,
Между Порядком и броском в Неизвестность.

Вы, чьи уста подобны божьим устам,
Вы, чьи уста — воплощение порядка,
Снисходительны будьте, когда захотите сравнить
Нас, стремящихся всюду найти неизвестность,
С теми, кто был идеалом порядка.

Мы не враги ваши, нет!
Мы хотим исследовать край необъятный и полный загадок,
Где цветущая тайна открывается тем, кто желает ею владеть.
Там сверкание новых огней и невиданных красок,
И мираж ускользающий
Ждет, чтобы плоть ему дали и дали название;
Мы стремимся постичь этот мир, погруженный в молчанье,
Это время, которое можно стереть или снова вернуть.

Снисхождение к нам! Мы ведем постоянно сраженьё
На границах грядущего и беспредельного.
О снисхожденье
К нашим слабостям, к нашим ошибкам, грехам!

Вот и лето настало, пора иступленья,
И мертва моя юность, подобно весне.
Приближается время палящей мечты, и, горя нетерпеньем,
Жду ее наяву и во сне.

Чтобы шел я за ней, чтоб любовь мою душу зажгла,
В благородную, нежную форму она воплотилась,
Вот приходит, зовет за собой, и, даруя мне милость,
Рыжекудрой красавицы облик
Она приняла.

Волосам ее золото блеск подарило,
Словно молния, вспыхнув, застыла,
Словно пламя зажгло на розах
Свой узор, горделивый и грозный.

Смейтесь, люди!

Чужие и близкие мне, надо мною вы смейтесь,
Потому что есть много такого, о чем я сказать вам не смею,
Так много, о чем вы мне сами сказать не дадите;
Снисхожденья прошу я у вас.